

приведенная выше фраза, но 2 раза вместо „гаркнуть“ стоит „крикнули“: „свиснули крикнули богатыри богатырским голосом“, стр. 32. Вполне вероятно, что „гаркнуть“ могло быть внесено тем турчасовцем, который копировал „Сказание“, так как в письменности, особенно в отношении к былинам, чрезвычайно редко копия является точной; здесь обычны замены, которые делает переписчик на основании своего языкового опыта: он вносит поправки, дополнения или делает сокращения.

Таким образом, на основании приведенных материалов мы в праве предполагать, что оригинал „Сказания“ был записан в Псковской земле, а позднее был скопирован кем-либо из турчасовцев. Вполне вероятно, что это и был Елизар Каменев, который переписал „Путник“ Коробейникова и повесть о Басарге.

Является ли „Сказание“ записью устного произведения или это книжное произведение, составленное на основе былин? Вторая точка зрения после анализа „Сказания“, данного В. Ф. Миллером в его „Очерках“, стала общепринятой. Она развернута и в последней работе о „Сказании“ А. В. Позднеевым. Но правильной является безусловно первая.

Опровергая А. Н. Веселовского, Н. С. Тихонравова и всех, кто считал „Сказание“ записью, В. Ф. Миллер дает анализ языка и стиля (который был приведен нами выше), но основные свои возражения он строит на анализе содержания, тенденции произведения. Нам представляется ошибочной отправная точка рассуждений В. Ф. Миллера и М. Г. Халанского, так как они исходят из противопоставления содержания и тенденций фольклора XIX—XX вв. „Сказанию“ — памятнику конца XVI—начала XVII в. В XIX—XX вв. мы знаем только крестьянскую былинную, крестьянский фольклор, тогда как в XVI—XVII вв. носителями устного творчества были не только крестьяне, а почти все классы и классовые прослойки общества, и они вкладывали в фольклор свою лепту. Фольклор XIX—XX вв. — это результат сохранения своего, крестьянского, наиболее актуального, и результат отбора из того общего фонда, который был очень широк и богат и, в то же время, очень доступен, благодаря профессиональным бродячим сказителям, певцам, результат обработки этого отобранного материала в духе своих идеалов, своих тенденций. Поэтому нельзя решать вопрос о том, является ли „Сказание“ произведением устного творчества, исходя из его тенденциозности и из того, что оно не сохранилось в изустной передаче. Очень многие произведения фольклора умерли. Умерло и „Сказание о киевских богатырях“, может быть, именно по причине своей тенденциозности. Едва ли можно согласиться с В. Ф. Миллером, что „Сказание“ не было популярным. Три текста „Сказания“ утверждают обратное, так как из пяти текстов былин, записанных в XVII в., только три имеют по несколько вариантов в письменности.

Изучению подлежат классовая сущность „Сказания“ и вопрос о том, в какой среде сложилось и жило оно как устное произведение. Однако, основания для доказательства устного или книжного происхождения „Сказания“ надо искать не только в его идеях и содержании, но и в композиции, стиле, языке его.

Все исследователи, утверждавшие, что „Сказание“ — произведение книжное, говорили о его „былинном складе“, о сильной „эпической традиции“, устанавливая эту эпическую традицию на основе записей XIX—XX вв. Они и с к л ю ч а л и все то, чему не находили соответствия в записях современных. Но, как ни крепка эпическая традиция (300—350 лет — срок огромный, богатый общественными сдвигами, отражавшимися в сознании и языке), изменения в ней должны были быть и были.